

«Сабинская тема» и начало Рима в сочинении Тита Ливия

Ольга В. Сидорович

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия, osidorovich@hse.ru*

Аннотация. Начало Рима в канонической версии римской истории, представленной в сочинении Ливия, растянулось на три века. Ключевыми событиями этого процесса были основание Рима Ромулом и установление политического режима *respublica*, причем активными участниками этих событий были сабиняне. Их присутствие в традиции представлено соправительством с Ромулом сабинского царя Тита Тация, учреждением жреческой коллегии содалов Тициев и переселением в Рим из сабинской земли рода Клавдиев в начале Республики. Когда «сабинская тема» начала утверждаться в исторической традиции и какие реальные исторические события римской жизни она отражала? Статья посвящена ответам на эти вопросы.

Ключевые слова: Ливий, Ромул, Тит Таций, сабиняне, *sodales Titii, gens Claudia*

Для цитирования: Сидорович О.В. «Сабинская тема» и начало Рима в сочинении Тита Ливия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 197–207. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-197-207

The “Sabine topic” and the beginning of Rome in Livy’s work

Olga V. Sidorovich

*National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia, osidorovich@hse.ru*

Abstract. The beginning of Rome in Livy’s work covers three centuries in a row. The key events in that process were the foundation of the city by Romulus and the establishment of a political regime of *respublica* with the Sabins being participants in those events.

The presence of that people in Roman history is reflected in a Sabine named Titus Tatius who shared for a time royal power with Romulus, in the founding

a sacerdotal collegia of the sodales Titii and in the resettlement of the Claudian family from the Sabine land to Rome at the beginning of the Republic. When the “Sabine topic” began to penetrate into annalistic tradition? What kind of real historical events were reflected in it? In this article the author tries to answer these questions.

Keywords: Livy, Romulus, Titus Tatius, the Sabines, *sodales Titii*, *gens Claudia*

For citation: Sidorovich OV. The “Sabine topic” and the beginning of Rome in Livy’s work. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2019;2:197-207. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-197-207

Римская историческая традиция прошла долгий путь становления: от Фабия Пиктора (конец III в. до н. э.) до Тита Ливия, который жил и работал на рубеже эпох. Длительное формирование традиции сказалось на изображении истории древнейшего Рима и привело к формированию в европейской науке Нового времени ее критического восприятия. В свою очередь, понятие критического метода, применяемого по сей день к работе с римской исторической традицией, не оставалось неизменным на протяжении последних двух веков. Начиная с Нибура предпринимались попытки воссоздать реальные исторические процессы, проходившие в Риме и его окрестностях, которые увенчались положительными результатами¹. Работа историка с ливвианской традицией была сродни работе археолога, который, снимая многовековые напластования слой за слоем, предъявляет научному сообществу артефакт в его первоначальном виде. Каждый исследователь стремился найти свой (и, как ему казалось, единственно правильный) подход к работе с ливвианской традицией, но количество вопросов к ней не уменьшалось со временем. Результатом этого процесса стало осознание того факта, что проблема достоверности римской исторической традиции не может быть решена с помощью единственно правильного метода, поскольку особенности ее формирования (длительного по времени и включившего в результате противоречивые версии) не позволяют исследователям прийти к общему знаменателю.

Уже в древности начальная история Рима была предметом дискуссии, следы которой можно обнаружить и в исторических

---

¹ Становление критического метода в европейской науке XIX в. связано с именами трех немецких ученых: Б. Нибура [1], Т. Моммзена [2] и А. Шwegлера [3]. В современной англоязычной историографии положительные результаты от применения критического метода можно видеть в работах Т. Корнелла [4], Р. Митчелла [5], Г. Форсайта [6] и К. Смита [7]

экскурсах в трактатах Цицерона², и в сочинении Ливия³, а его последователи добавляли свои аргументы «за» или «против» того, что они считали достоверным. Можно сказать, что первым серьезным критиком римской исторической традиции являлся сам Ливий – автор ее канонической версии. Как в таком случае поступать современному исследователю? Следует ли выбирать из имеющихся версий ту, которая, с его точки зрения, больше всего отражает историческую реальность? Но тогда куда деть те версии, которые не укладываются в создаваемую картину? Сформулированные вопросы усложняют задачу исследователя, которому предстоит не выбрать что-то одно из многого, но объяснить появление различных версий, их роль и смысловую нагрузку, которую они несут в повествовании древнего автора. Попробуем подойти с подобной установкой к обозначенной теме.

Присутствие сабинян у истоков римской истории оставило свой след в ливианской традиции в соправительстве Ромула и сабинского царя Тита Тация, которое завершило конфликт двух племен, вошедший в историю под названием «похищение сабинянок», появлении жреческой коллегии содалов Тициев и в переселении в первые годы существования Республики рода Клавдиев в Рим из сабинской земли. Эти свидетельства римской традиции сформировали устойчивое представление об этническом (латино-сабинском) дуализме римского народа от начала его истории. Наша задача сводится к тому, чтобы рассмотреть эти эпизоды ливианского повествования и не просто определить, отражают ли они историческую реальность, но какую реальность они отражают, когда могли появиться в традиции и какую смысловую нагрузку в ней несли.

С именем Ромула связано не только основание города, но и создание особой политической общности под названием римский народ (*populus Romanus Quirites / Quiritium*). Согласно традиции римский народ получил свое название и обрел политическое единство в результате распределения по куриям после похищения сабинянок. Ливий (1.13.6–8) устанавливает такую последовательность событий: по завершении войны между римлянами и сабинянами Ромул разделил народ на 30 курий, дав им имена сабинских женщин, а сабинский царь Тит Таций стал править совместно с Ромулом. То есть в сочинении Ливия представлен тот вариант традиции, в котором отстаивалось изначальное присутствие

---

² См., например, критические замечания Цицерона о традиционных рассказах, встречающиеся во второй книге его трактата «О государстве» (Cic. *De rep.* 2.4, 18–19, 28, 33, 53–54).

³ *Liv.* 4.20, 29, 61; 6.38; 9.44; 10.26.

сабинян в составе римского населения. В этом отношении Ливий существенно отличается от Цицерона (Deger. 2.4–5), для которого население раннего Рима уже было многочисленным, а похищение сабинянок всего лишь предлогом для войны с соседями (*Cic. Deger.* 2.12–13).

Современник Цицерона Марк Теренций Варрон в передаче Дионисия Галикарнасского (2.47.4) сохранил иную, отличную от ливиевой, традицию происхождения названия курий и времени их возникновения: курии появились еще до похищения сабинянок как обозначение социальной группы и места одновременно. Свои названия курии получили «по тем людям, кто был там вождем» (т. е. речь идет, конечно же, о мужчинах, но никак не о женщинах), частично – по пагам (территориальным единицам). В то же время Варрон признает участие женщин в примирении двух народов. Из данного отрывка следует, что и Варрон, и Цицерон являются приверженцами той версии, которая представляет римский народ сложившимся еще до похищения сабинянок, и потому версия названия курий именами сабинских девушек их не устраивает, хотя она имела хождение в сочинениях других авторов (в частности, спорным был вопрос о числе сабинских женщин (30, 527 или 683)⁴, участвовавших в посольстве). Обоим авторам трудно принять связь названий курий с именами сабинских девушек, тогда как Ливий (1.13.6) говорит об этом с уверенностью. Что заставило историка (хотя он был знаком с иными версиями) принять в качестве единственно правильной заведомо неверную версию?

Прежде всего следует обратить внимание на то, что все авторы Поздней республики видели в куриях важнейший структурный элемент Ромуловой конституции. Можно предположить, что антикварные штудии Варрона положили начало подобной традиции их осмысления в сочинениях римских историков.

По мнению современных исследователей, с куриями этимологически связано одно из обозначений римского народа как квиритов [8 р. 147–156, 9 р. 156–160], хотя античные авторы единодушно возводили термин «квириты» к названию сабинского города Куры, откуда происходил соправитель Ромула Тит Таций (*Liv.* 1.13.5; *Fest.* P. 304L; *Ovid. Fast.* 2.475; *Serv. Aen.* 7.710). Эта этимология выдает свое легендарное происхождение. В античной энциклопедической традиции (*Paul – Fest.* P.43L, P. 55L) сохранилась иная версия, которая связала название римлян как квиритов с сабинским словом *curis*, идентичным латинскому *hasta* (копье). Следовательно, термин «квириты» обозначал членов курий как древнейшее рим-

⁴ Эти цифры приводит Плутарх (*Rom.* 14) со ссылкой на свои источники.

ское войско и только после оформления центуриатной организации был перенесен на римский народ в целом. Можно ли уточнить время этого процесса? В период, обозначенный римскими авторами как республика, начало которого они отнесли к 509 г., в их же изложении продолжают свою активную деятельность куриатные комиции, которые решают важные для жизни коллектива вопросы: народ собирается по куриям для обсуждения обострившегося долгового вопроса (*Liv.* 2.28.4), и именно курии, судя по всему, избрали первых плебейских трибунов; куриатные комиции вернули из ссылки Камилла (*Liv.* 5.46.10) (т. е. восстановили его гражданский статус). Последнее произошло в 390/389 г. до н. э., значит, и в первое десятилетие IV в. до н. э. в Риме по-прежнему действует куриатная организация. Таким образом, у нас нет оснований утверждать, что курии были частью той политической системы, которая, если принять традиционное время перехода к республике, давно отошла в прошлое. Появление курий вряд ли было связано с римско-сабинским синойкизмом эпохи Ромула, а сами они оставались действующим институтом в течение V–IV вв. до н. э.

С похищением сабинянок связан образ сабинского царя Тита Тация, который стал править в Риме вместе с Ромулом. Интересно, что конфликт Рима с сабинянами всколыхнул население ближайших к Риму городков: Ценнины, Крустумрия, Антемы (*Liv.* 1.10.2). Их жители ищут защиты у Тация. Ливий (1.9.8–9) и другие античные авторы дают информацию о происхождении этих населенных пунктов, которая позволяет говорить об их латинских корнях⁵. Поэтому обращение латиня за помощью к Титу Тацию делает его фигуру как сабинского царя спорной. Далее Ливий (1.14.2) рассказывает о том, что Таций «явился в Лавиний на ежегодное жертвоприношение», но был убит толпой. Тесные культовые связи Рима и Лавиния установились после 338 г. до н. э. и выразились в ежегодном жертвоприношении Весте и пенатам, которое совершали диктаторы, консулы и преторы, вступая в должность. Ливий отнес эту практику к более раннему времени, что отразилось в рассказе о смерти Тация в Лавинии. Это обстоятельство выдает позднее происхождение традиции о смерти Тация, что, однако, никак не умаляет роль Лавиния как крупного культового центра на территории древнейшего Лация [10 с. 36].

---

⁵ Ценина и Крустумерий упоминаются Плинием Старшим (3.68) как населенные пункты, рано поглощенные Римом, а Антемы как получатель жертвенного мяса на Альбанской горе. Дионисий (2.36.2) называет Крустумерий выселками альбанцев, а Антемы – городом, основанным аборигенами (1.16.5). Страбон (5.3.2) включил Антемы в число маленьких альбанских городков, находившихся в непосредственной близости от Рима.

От этой поздней традиции отличается небольшая заметка о смерти Тация у Варрона (L.L. 5.152), которая представляет собой этиологический миф. Антиквар объясняет происхождение названия места Лаврент на Авентине как результат того, что там был похоронен Таций, убитый лаврентцами. Город Лаврент не имеет точной локализации. Он, очевидно, располагался между реками Тибром и Нумиком и был частью территории, на которую распространялось влияние другого древнего латинского города – Лавиния. Близость более сильного соседа сказалась на раннем исчезновении Лаврента, и в историческое время уже не было четкого различия между двумя топонимами «Лаврент» и «Лавиний», что привело впоследствии к укоренению названия «Лавролавиний» [11 S. 1008–1009]. Поэтому версия Варрона, который связал смерть Тита Тация с лаврентинцами, отражает более ранний этап формирования мифа о сабинском царе как части мифа о возникновении Рима и предшествует его вариации в сочинении Ливия. Лавиний был древнейшим латинским городом с общими для всех латинян святынями. Его основание приписывалось Энею⁶. Поэтому появление Тация в одном из латинских культовых центров может свидетельствовать о том, что он не только не был чужаком для латинян, но явился на жертвоприношение как царь и одновременно сакральный глава одной из латинских общин, расположенной по соседству с Палатинским городом римлян. Поможет ли это определить этническую принадлежность содалов Тициев, которые рассматриваются исследователями как религиозное братство сабинского происхождения, аналогичное римским авгурам [12 p. 379]?

Птица, которую наблюдали содалы, назвалась *titus*, откуда произошло личное имя Тит. Считалось, что эта птица подает хорошие знаки. По мнению Р. Палмера [13 p. 192], от *titus* происходит прилагательное *titinus*, которое в сочетании с другим прилагательным *mutinus* было именем божества. Божество *Mutinus Titinus* фигурировало в составленном Варроном перечне богов, близких Юпитеру⁷. Современные исследователи римской религии согласны с тем, что Мутин Титин символизировал плодородие [14 p. 267]. Считается, что это божество имело двойную природу: оно было связано с дарованием плодородия земле и живым существам, но также ассоциировалось с ауспикальной птицей *titus* [13 p. 187, 189, 205]. По всей видимости, это божество было связано с сопровождавшими культ плодородия ауспикальными действиями, за которые отвечали содалы Тиции. Имена с основой *tit-* были

⁶ *Liv.* 1.1.11; *Dionys.* 1.55–60; 5.12.3; 8.49.6; *Strabo* 5.229; *Plut. Cor.* 29; *Val. Max.* 1.8.8.

⁷ *Aug. C.D.* 4.11; *Tert. Adnat.* 2.11.11–12, 17.3.

распространены в местах расселения пеласгов и имели значение «царь» [15 с. 85–86]. Это согласуется с изображением Тита Тация в римской исторической традиции как лица, облеченного царской властью. Можно предположить, что он был сакральным главой (наподобие римского *rex sacrorum*) той латинской общины, которая на заре римской истории связала свою судьбу с поселением на Палатине. Как и основатель Рима Ромул, этот царь исполнял авгурские обязанности и отвечал за интерпретацию знаков, исходивших от какой-то определенной птицы, которую стали именовать «царской птицей» (*titus*). По всей видимости, здесь мы сталкиваемся со случаем этимологического переноса, когда лексическая основа, означающая царя, стала прочно ассоциироваться с некой птицей, подававшей при полете знаки, интерпретация которых была личной монополией царя. Вокруг фигуры сакрального царя формировался штат помощников-содалов, организованных на гентильной и амикальной основе. Подобные религиозные сообщества, сведущие в искусстве авгурий, очевидно, существовали в каждом сельском округе, обеспечивая своей деятельностью потребность жителей догородского Рима в инаугурационной защите урожая⁸. Накопленный ими опыт не выходил за пределы их сообществ. Но в письменную традицию вошли только *sodales Titii*, очевидно благодаря рано устоявшейся их этимологической связи с сабинским царем Титом Тацием [16 с. 130]. Можно предположить, что содалы Тиции представляли древнейший пласт латинского жречества, практиковавшего ауспicii. С присоединением некогда самостоятельной общины к территории Палатинского города и учреждением коллегии авгуров как общеримского религиозного института эта коллегия потеряла самостоятельное значение.

Переселение сабинского рода Клавдиев в Рим связано с рождением республики. Это событие для римлян по своей важности было сродни основанию города Ромулом. Отсюда берет свое начало *libertas*, на которой основывалась система ценностей гражданского коллектива. Здесь опять появляются сабиняне в лице Клавдиев. Уже Т. Моммзен [2 Bd.1. S. 293] отметил, что позднее появление Клавдиев в Риме можно считать вымыслом: они занимали высокое положение в политической жизни города, получив в 495 г. до н. э. одно из консульских мест, их именем была названа сельская триба (триба Клавдии). Эту же точку зрения принимает комментатор текста Ливия Р. Огилви [17 р. 273–274]. Ливий (2.16.4–5)

---

⁸ О существовании у авгуров подобных обязанностей можно говорить, опираясь на свидетельство Павла Диакона (*Paul-Fest. P. 250 L. s.v. Vermisera*), упоминающего связанные с севом авгурии (*vermisera*).

очень осторожен в установлении связи между двумя событиями (переселением рода и появлением трибы с его именем): либо триба состояла только из Клавдиев и потому получила их имя, либо она включала и других поселенцев из тех же мест и они стали называться старой Клавдиевой трибой (*vetus Claudiatribus*). Дионисий (5.40.5) разделяет во времени переселение Клавдиев и организацию трибы Клавдии: последнее случилось значительно позже их переселения. А. Альфёльди [18 р. 160] отнес время возникновения триб с родовыми именами, в том числе и Клавдиевой трибы, к 426 г. до н. э. Патрицианские Клавдии принадлежали трибе *Quirina* и *Palatina*. Последняя полностью изменила свой первоначальный социальный состав в пользу деклассированных элементов только в эпоху Поздней республики. На этом основании включение Клавдиев в Палатинскую трибу можно отнести к глубокой древности [18 р. 160]. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что Клавдии принадлежали древнейшему населению Рима⁹. Но традиция все-таки настаивает на том, что они были переселенцами из сабинской земли и даже называет их родной город Инрегилл (*Liv.* 2.16.4) или Регилл (*Suet.* Tib. 1.1). Сабинское происхождение Клавдиев не раз подвергалось сомнению. Основанием для этого служила топография Клавдиевой трибы, территория которой не могла быть сабинской, так как отделялась от собственно сабинской земли Крустуминской трибой [20 S. 473]. В данном случае следует все же обратиться к традиции, которая в вопросе места происхождения Клавдиев (Инрегилл/Регилл), несомненно, основывалась на семейном предании. Но являются ли эти города сабинскими? Их названия созвучны с названием Регилльского озера, где в 496 г. до н. э. произошло первое серьезное военное столкновение римлян с латинами. Ливий (2.19.3) локализует Регилльское озеро в тускуланской земле, т. е. в границах Лация, к югу от Рима. Очевидно, этот район Лация и был родиной Клавдиев, откуда они переселились в Рим достаточно рано, чтобы попасть в число старших родов римского патрициата (*gentes maiores*), представители которых занимали ведущее положение в сенате (*principes senatus*).

Итак, Ливий делает «сабинскую тему» неотъемлемой частью ключевых эпизодов римской истории: основания города и уста-

---

⁹ У Клавдиев существовало семейное предание об их переселении в Рим в эпоху Ромула (*Suet.* Tib. 1.1). Т. Вайзман [19 р. 59–65] считает, что эта дата появилась в правление императора Августа. Разноречивые сведения о традиции, вероятно, объясняются тем, что предание о переселении Клавдиев существовало вне связи с определенным временем и только позже в анналистических произведениях было приурочено ко времени образования трибы Клавдии.

новления политического режима республики. Позднее появление Клавдиев в Риме, синхронное началу республики, не согласуется с отраженным в традиции их высоким положением и влиянием, которое они имели в Риме в ту эпоху. В этом эпизоде отражено желание представить Клавдиев последовательными «республиканцами», приверженцами *libertas*: неслучайно Ливий подчеркивает, что они пришли в Рим только после ликвидации тиранического режима Тарквиниев. Расположение Клавдиевой трибы в приграничных районах древнего *ager Romanus* делало появление Клавдиев из сабинской земли возможным, но традиция сохранила косвенные свидетельства, указывающие на их происхождение из района латинского Тускула.

Наконец, следует ответить на гравный вопрос: когда стала оформляться «сабинская тема» в историографии и почему Ливий связал ее с ключевыми событиями римской истории. Истоки этого процесса можно отнести к началу III в. до н. э. и связать с военными победами Манья Курия Дентата, который в 290 г. до н. э. получил триумф за победу над сабинянами¹⁰. В результате сабиняне стали интегрироваться в римскую общину. Поначалу они имели статус *cives sine suffragio*, но получили полное гражданство между 268 и 241 гг. до н. э. Термин «квириты» изменил свое содержание: потеряв связь с обозначением исключительно древнейшего населения Рима, он распространился и на новых переселенцев – сабинян, став обозначением политического единства обоих народов. «Сабинская тема» представляла интерес уже для Фабия Пиктора и Цинция (*Dionys.* 2.38.3): они считали, что любовь к богатству римляне восприняли от сабинян. Ко времени Ливия представление о сабинянах как неотъемлемой части римского народа утвердилось окончательно и должно было занять соответствующее место в историческом повествовании. А то, что для римлян II – I вв. до н. э. было неоспоримым фактом, то и существовало от начала их истории, которую они начинали либо от основания Города, либо от установления республики.

Литература

---

1. Niebuhr B.G. Römische Geschichte. Braunschweig, 1811–1832. Bd. 1–3.
2. Mommsen Th. Römische Forschungen. Braunschweig, 1864. Bd. 1–2.
3. Schwieger A. Römische Geschichte. Tübingen, 1870–1884. Bd. 1–2.
4. Cornell T.J. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L., 1995.

---

¹⁰ Cic. De sen. 55; Val. Max. 4.3.5; Flor. 1.10.2–3.

5. *Mitchell R.E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca, 1990.
6. *Forsythe G.* A critical history of Early Rome. From prehistory to the first Punic War. L., 2005.
7. *Smith C.J.* The Roman clan. The gens from Ancient ideology to modern anthropology. Cambridge, 2006.
8. *Binder J.* Die Plebs: Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1909.
9. *Palmer R.E.A.* The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.
10. *Smith Ch.* The Religion of Archaic Rome // A Companion to Roman Religion / J. Rüpke (ed.). Oxford: Blackwell Publ. Ltd., 2007.
11. *Philipp.* Lavinium // PWRE. Stuttgart, 1924. Bd.12.1.
12. *Catalano P.* Contributi allo studio del diritto augurale I. Torino, 1960.
13. *Palmer R.E.A.* Roman Religion and Roman Empire. Five essays. Philadelphia, 1974.
14. *Hersh K.K.* The Roman wedding. Ritual and meaning in antiquity. Cambridge, 2010.
15. *Немировский А.И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
16. *Meyer J.Ch.* Pre-Republican Rome. An analysis of the cultural and chronological relations 1000–500 BC. Rome, 1983.
17. *Ogilvie R.M.* A commentary on Livy books 1–5. Oxford, 1965.
18. *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
19. *Wiseman T.P.* Clío's cosmetics: Three studies in Greco-Roman literature. Leicester, 1979.
20. *Schur W.* Fremder Adel in römischen Staat der Samniter Kriege // Hermes. 1925. Bd. 59.

References

---

1. Niebuhr BG. Römische Geschichte. Braunschweig, 1811–1832. Bd. 1–3.
2. Mommsen Th. Römische Forschungen. Braunschweig, 1864. Bd. 1–2.
3. Schwegler A. Römische Geschichte. Tübingen, 1870–1884. Bd. 1–2.
4. Cornell TJ. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). London, 1995.
5. Mitchell RE. Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca, 1990.
6. Forsythe G. A critical history of Early Rome. From prehistory to the first Punic War. London, 2005.
7. Smith CJ. The Roman clan. The gens from Ancient ideology to modern anthropology. Cambridge, 2006.
8. Binder J. Die Plebs: Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1909.
9. Palmer REA. The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.
10. Smith Ch. The Religion of Archaic Rome // A Companion to Roman Religion / J. Rüpke (ed.). Oxford: Blackwell Publ. Ltd., 2007.
11. Philipp. Lavinium // PWRE. Stuttgart, 1924. Bd.12.1.
12. Catalano P. Contributi allo studio del diritto augurale I. Torino, 1960.
13. Palmer REA. Roman Religion and Roman Empire. Five essays. Philadelphia, 1974.
14. Hersh KK. The Roman wedding. Ritual and meaning in antiquity. Cambridge, 2010.
15. Nemirovskii AI. The Etruscans. From Myth to History. Moscow, 1983. (In Russ.)
16. Meyer JCh. Pre-Republican Rome. An analysis of the cultural and chronological relations 1000–500 BC. Rome, 1983.
17. Ogilvie RM. A commentary on Livy books 1–5. Oxford, 1965.

18. Alföldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
19. Wiseman TP. Clio's cosmetics: Three studies in Greco-Roman literature. Leisester, 1979.
20. Schur W. Fremder Adel in römischen Staat der Samniter Kriege // Hermes. 1925. Bd. 59.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, osidorovich@hse.ru

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. in Sci. (History), associate professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; 20 bld., Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia; osidorovich@hse.ru